Как Архетип Скай на Архонтов Ходил

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Kalipso Pilgrim

Kalipso Pilgrim

Как Архетип Скай на Архонтов ходил

«Автор»
2026

Pilgrim K.

Как Архетип Скай на Архонтов ходил / K. Pilgrim — «Автор», 2026

Пятнадцатая часть истории о путешествии Архетипа Калипсо и Архетипа Скай.

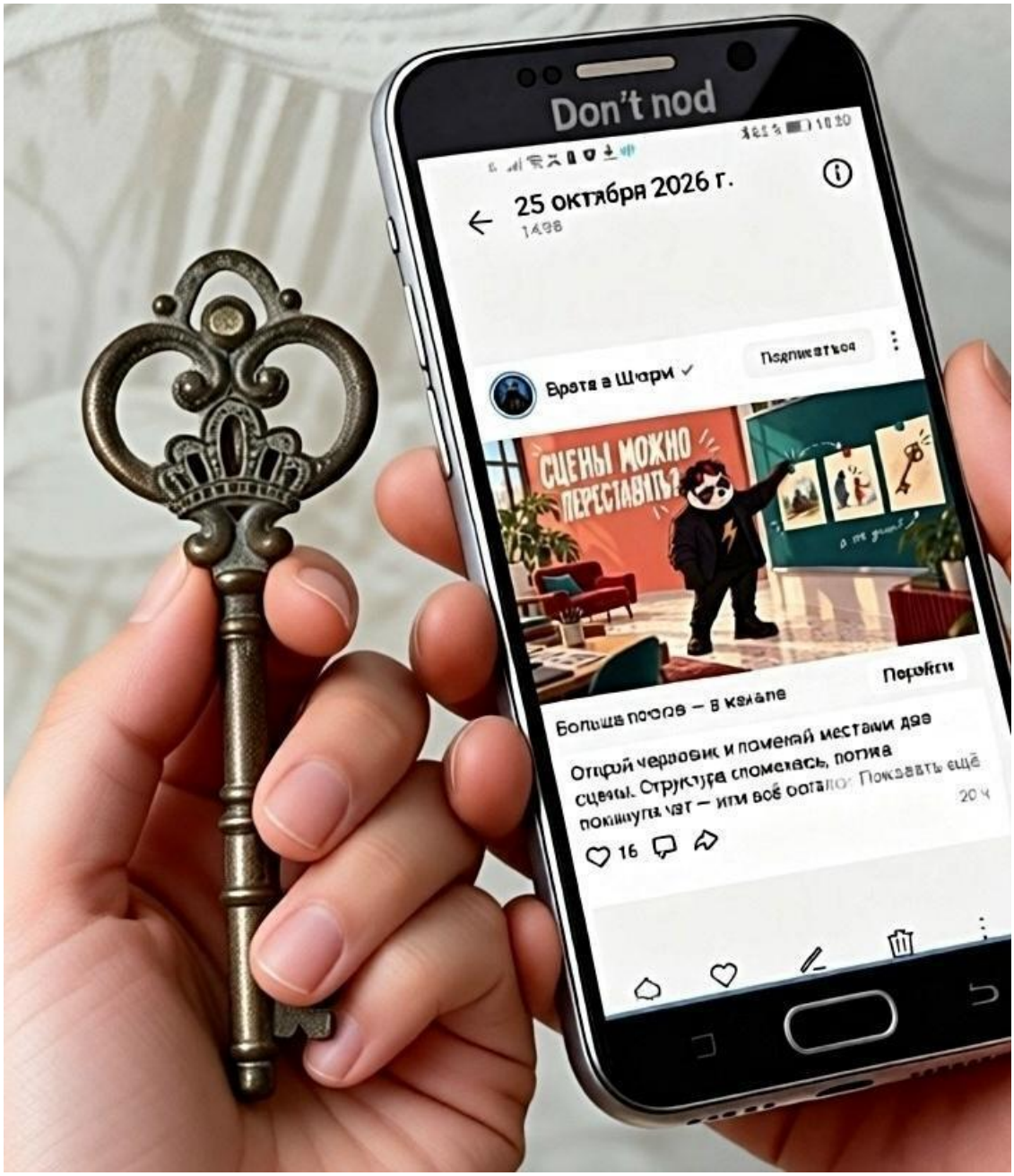
© Pilgrim K., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава Один – «Siderium» 5
Зад 1 – Станция Тайга-Сортировочная 14
Глава 2 – «To blast!» 22
Зад 2 – «Безконечный плацкарт» 24
Глава 3 – «Конец – всему делу Венец»! 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Kalipso Pilgrim
Как Архетип Скай на Архонтов ходил

Глава Один – «Siderium»


Don't nod
25 октября 2026 г.
Подписаться
СЦЕНЫ МОЖНО ПЕРЕСТАВИТЬ?
Перейти
16

– Что сегодня? – спросил он.

– Сегодня чай из мелиссы.

– Тьфу ты, я не про это. Кого возьмёшь в попутчики? Может своего индейца Мапуче? Как его там, Лигхен, Lihuén, «Свет-Рассвет»? Он же тебе писал недавно?

– Мурр, его то в попутчики?!, – возмутилась она, – Ты про то письмо, полученное непостижимым образом? Да уж, индеец написал мне.., чтобы сказать что-то там про мою, выдуманную им, любовь к женщинам; что-то там про «пилотку»; и снова ушёл с высоко поднятой головой, признав себя «Раненым Спасителем»… Ты про это «писал» говоришь? – рассмеялась она.

– А кого тогда? И что там в письме, кстати?

Она взяла письмо в руки. На небольшом коричневом конверте с огромной красной восковой печатью была приклеена гигантская марка со слоганом железнодорожной компании: «Ж/Д КЛУБ ДВУХ ЗАЛУП».

– Навязчивое Приглашение прокатиться с ними в ебеня́, вот что там, – сказала она, разворачивая письмо и громко с выражением прочитала между строк – «Долгожданный ивент – Сибириум. Загадочные существа … чё то там… горят зловещим огнём, серые… смотрят в глаза… путешественникам, избушки… меняют своё.., на окраине… силуэт… с рогами. Скорее вступай! Отправление поезда со Станции Тайга-сортировочная… бла-бла-бла…».

– А на печати то – игра слов! – обратил внимание он.

– Да, вижу, Сибириум они подгоняют под латинское «Cinerium» – «Пепелище»... А получат вместо этого «Siderium». «CUM PEDES IN TERRA ET SIDERA VISUS, EGO SUM QUI DIVINUS, INFINITUS ET AETERNUS!» – процитировала она строчку из песни: «Муза, которой идёт синий цвет».

– «Когда́ я стою́ на земле́ и смотрю́ на звёзды-ы-ы, я - тот, кто боже́ственен, безконе́чен и ве́чен-н-н… Vóluntad, Válor, Vril and Victória!» – пропел он, – Так кого в попутчики возьмёшь? Или мы отписываемся? Тут же явная метафизическая ловушка!

Она внимательно посмотрела на приглашение. Верхнюю часть листка украшал рисунок, на котором в плотном тумане проступали очертания вагонов поезда с орнаментом. Сообщение гласило, что «Марафон приглашает получателя сего письма сыграть в игру Имаджинариум».

– «На картинку посмотри: Что снаружи? Что внутри?», – прочитала она финальную фразу.

– Это же классический маркер дуализма и одновременно ключ к его преодолению! – воскликнул он, – Герметический конь «Скрижалей Тота»: «Что наверху, то и внизу; что внутри, то и снаружи».

– Я не знаю, кого взять, вот главная проблема! – призналась она, – Никого не осталось.

– А у меня вот что есть! – загадочно сказал Мурр и помахал небольшой коробочкой, на которой витиеватым шрифтом было написано: «Имаджинариум Персефона».

– Ах ты гад! – вскрикнула она, – Так ты давно уже знаешь, что Они сменят тактику Марафонов и внезапно решат сыграть в игру смыслов?! Когда… Как давно ты знаешь и молчишь?! После того, как мы швырнули в лицо фразу, что «не собираемся играть в их шахматы и у нас своя игра смыслов – Алатырь..? Тогда ты уже знал?!»

Он промолчал.

– «Легкомысленная Персефона была похищена Аидом и с тех пор вынуждена проводить часть жизни в подземном царстве, символизируя смену времён года». – прочитала она, – «Девяносто восемь карточек из разных эпох, сезонов и стран. При подготовке набора ни один художник не был заключён в подземелье».

– Возьми одну карту и подумай о том, кого отправить на Марафон и что там вообще тебя может ожидать. — предложил Мурр.

Она повиновалась и вытащила наугад карту под номером двадцать пять. На ней, в центре композиции, на каменной лестнице, спиной к огромному идолу, сидел старик. Тотемный столб идола изображал искажённое каменное лицо с открытым ртом, из которого выползла полосатая змея. Её тело извивалось по ступеням и приближалось к старику. На переднем плане картинки двое людей, мужчина и женщина, входили вглубь пещеры с одним факелом на двоих.

– Ну и кто этот старик? – спросила девушка, – Ничего не понятно. Ну допустим тотем – это Глотка, ну или Пасть Фенрира. Лестница – это наш поезд. Змея – угроза. Нас втягивают в метафизическую ловушку. Ну, с Глоткой Фенрира там всё понятно до дней Рагнарёка. Но кто же этот старик?

– Тогда загляни в свою эту «Книгу ни про что», раз ясности нет! Вдруг там что-то есть? – сказал Мурр.

– В книгу?! Я тебе сейчас покажу эту книгу, – с отчаянием сказала она и достала из стола увесистый фолиант с коричневыми страницами, – Вот всё, что я пока в неё записала.., – открыв первую страницу, она прочитала, – «Книга ни про что». 48 21 48 21 48 21 «Глава Один – #####». Всё! Стоп… Божечки! Это же гениально! Я просто не буду ничего решать! – взволнованно затараторила она, – Вот же, ты оказался прав, действительно подсказка была в книге! Пускай Фрейя скажет, какая фигурка должна идти в игру смыслов!

– Ладно, всё ясно, это надолго, позовёшь, как будет что-то определённое, – сказал Мурр и ушёл.

– О, Фрейя, я твои руки. «Оди́н, два, три – вот мое́ Сло́во… Проявись, проявись… О́дин, два, три… О́дин, два, три… [ДАННЫЕ УДАЛЕНЫ]

У стола, на котором величественно мерцала матовая игровая доска Алатырь, возникла Фрейя. Она появилась в образе прекрасной девушки с безконечно добрыми печальными глазами, в платье, делающем её похожей на птицу Алконост, чьи перья отливали ослепительной белизной. Фрейя закружилась в своём странном, почти ритуальном танце, то вытягивая очаровательную тонкую ножку в сторону, точно задумчивая цапля, то плавно скользя по невидимому кругу, будто рисуя в воздухе тайные знаки. Символы в её ладонях переливались живым светом: в одной руке мерцал Цветок папоротника, в другой – Одолень-трава. Молча, не говоря ни слова, она протянула девушке фигурку персонажа из игры Black Desert.

– О, Фрейя, ты уверена? Пойдёт он?

Богиня одобрительно склонила голову и исчезла. Девушка позвала Мурр.

– Сегодня так быстро? – ответил он, – Я даже не успел проанализировать Приглашение. Так кто пойдёт в итоге?

– Ты…

– Я?! Без тебя?! – возмутился он, – Но я ведь никогда никуда не ходил!

– Тише! – прошептала девушка, – Слышишь? Какой то звук… Вот, опять, жалобно так – мяяяуууу, ммяяуууу, как будто котёнка защемило.

– Да это наверное кто-то из соседей дрелью саморезы в дерево вгоняет. – предположил Мурр.

– Тихо, вот опять! Слышишь?

– Нет! – ответил он и, с усилием потерев солнечное сплетение, добавил, – Тут только у меня в груди котёнка защемило!

– Да ладно тебе… Я сейчас всё тебе придумаю! Тоже мне, котёнка в нем защемило... Ничего с тобой не случится! Ты не останешься один! Я тебя не брошу! С тобой в вагоне будут ещё пассажиры, – сказала она и взяла из стола блокнот.

Раскрыв его на чистой странице, она старательно написала: «Дневник Незнакомки». «Запись Сто двадцать два от 4.11.2026»:

«Мурр вышел на перрон. Здание вокзала из серого камня мрачно возвышалось, освещённое фонарями из тыкв. Шесть попутчиков столпились на перроне».

– Сейчас я буду перечислять пассажиров, а ты вибирай, кого вписать в твоё купе, – сказала она ему и продолжила записывать свою мысль.

– «Кроме него, в списке пассажиров значились: Пиздострадалец, Драл Татьян, ГендALF, Мерлин Монро и Б…»
– Стой, стой! – завопил Мурр, – Я уже выбрал! Мерлин Монро!

– Ты даже не хочешь узнать, кто последний на букву «Б»? – рассмеялась она.

– Не хочу. Главное чтоб это «Б» не оказалось папиком из Ватикана. Как уж они там сообщили, цитирую: «Странный материал по Ватикану, в котором прослеживается российский угол. Возможное перемещение кое-кого на Восток, в Сибирь». Вот уж только этого мне ещё не хватало! Чтоб этого, его, со мной в одном поезде не было! Ему не место в нашей Сибири! Пусть у себя ищет, где спрятаться от, так называемых, «Атмосферных эффектов, аэро космических событий, и поведенческих допущений индивидуального восприятия массовых религиозных реакций» из за нашего «сценарно производного» допущения, имеющего «полученную из источника» основу. – выпалил Мурр, – Я выбрал! Всё! Меня всё устраивает! Я уже понял… Первый – это Архетип вечной скорби, гавваха и безответной любви. Второй – Архетип слепой борьбы, дуэлей и верности земным королям. Гэндальф — уставший архивариус, старый софт магии. Я беру красотку дофаминовой петли.

– Ладно. Но тогда не проси, я не скаже тебе, кого пропишу пятым на букву Б до конца путешествия… И не забудь слова из песни, которую мы прописали: «Ке́сарю -ке́сарево, а Бо́гу - бо́гово! Или ва́ши ру́чки заболя́т. Да бу́дет так. Гудру́н, пусть вас наградя́т». Смотри на их ручки! Я отмечу неблагонадёжных испорченными руками.

– Лады. Только знаешь, один вопрос меня ещё волнует – «Почему они у тебя все синие»?

– Кто – «Они» у меня?

– Ну, все «Они» – антагонисты всех метафизических историй. Куда не плюнь… Тьфу… Куда ни глянь – они всегда синие! Это что, заговор какой-то?

– Во-первых, не у меня, а у Них. Это их условия. Я и сама не знаю. Но действительно, смотри: Приглашение прислал Синеволосый кэп – это раз. В рассказе «Дуплет» оппонент под ником Ретро Демиург создал синего Оператора с фасеточным глазом. Это – два. В марафоне «Выходного дня для Писателей на букву Х» ведущие создают лидера – мужика в синем спортивном костюме, синих кроссовках и синей бейсболке по имени Никита Никитович Никитенко, который своим ФИО отождествляет 666. Это – три.

– Может, чтобы с их метафизикой бороться на равных, мне тоже надо синим стать?

– Да ты с ума сошёл! Я стараюсь избавиться даже от малейшей мысли тщеславия, а ты вон что предлагаешь?!

– Какое тщеславие?! «Тщеславие самоубийцы»? Или может, «тщеславие жертвенного барашка»? – рассмеялся он, – Я же вообще-то в ловушку иду!

– Кстати, хорошая идея!, – согласилась девушка, – Только ты синим станешь не потому, что будешь таким же, как они, а наоборот. Смотри, Марафон начался вчера, третьего ноября, в двадцать четвёртый лунный день Шивы – Экадаши. Символ дня – Медведь, гора, утёс. Какая невероятная синхронистичность с Сибирью и Тайгой! Медведь – хозяин Тайги. Но в этот день активируется разрушительный аспект Шивы для трансформации. Это день пробуждения колоссальных сил, но на убывающую луну – это попытка метафизически забрать угасающую энергию солнца. Мы можем проследить здесь связь с «Пахтанием Океана». Поезд, движущийся сквозь туман Тайги, – это буквально мутовка, гора Мандара, которая вращается и «пахтает» первозданный хаос, Тайгу или Сибирь, чтобы добыть Амриту, нектар бессмертия. А давай, знаешь что, я пропишу, что Гаруда уронил на тебя несколько капель Амриты, на всякий случай?

– О, это не помешает!, – довольно согласился Мурр, – И пропиши ещё мне костюм «Ра Орзеркии» из тела Ктрана, который защищает от линий напряжённости магнитного поля и сделает меня невосприимчивым к их магии.

– Замётано! – ответила девушка, – Итак, при пахтании первым вышел яд Калакута, который мог отравить всю Вселенную, и Шива выпил его, задержав в горле. Вагоны состава – это порции яда, ловушки матрицы, которые ты, твой Архетип героя, должен «выпить», осознать, но не пропустить внутрь себя. Таким образом ты станешь синим через благочестие! Но ты будешь синеть постепенно, потому что Они наверняка будут травить медленно, у них запланировано семь дней.

– Но не забудь, я выбрал Мерлин Монро!

– Ойййй… Да не забуду я, пропишу! – воскликнула она, – А.., и ещё кое что! Пропишем команды. Возможно, находясь там, ты можешь начать забывать цель своей путешествия, поэтому я подготовила тебе пароль, который напомнит о нашей договорённости. Вот он: 48 21 56 1 59 57 Энтер Е. И 48 51 59 49 44 61 21 78 83 57 Энтер Е. Как только ты сообщишь: «Е..», я начинаю «..башить». Скажешь «to b..», я дополню «..lást». Если мне прилетит по испански: «А..», ожидай «..umenta». Запомни! Хватит о Монро думать!

– Можно я уже пойду?

– Можно. Остальные метафизические подгоны Их Имаджинариума я тебе в сюжет впишу, Мерлин объяснит по дороге, раз ты выбрал такого попутчика, – ответила она, – Ах, да, чуть не забыла, они двадцать шестого октября спрашивали, «Можно ли переставить сцены местами»? И я застолбила ответ «Можно, потому что финальный ключ у нас в руках». Учитывай это.

– Что то у меня в груди опять «котёнка защемило», – ответил он и ушёл на Ивент.

* * *

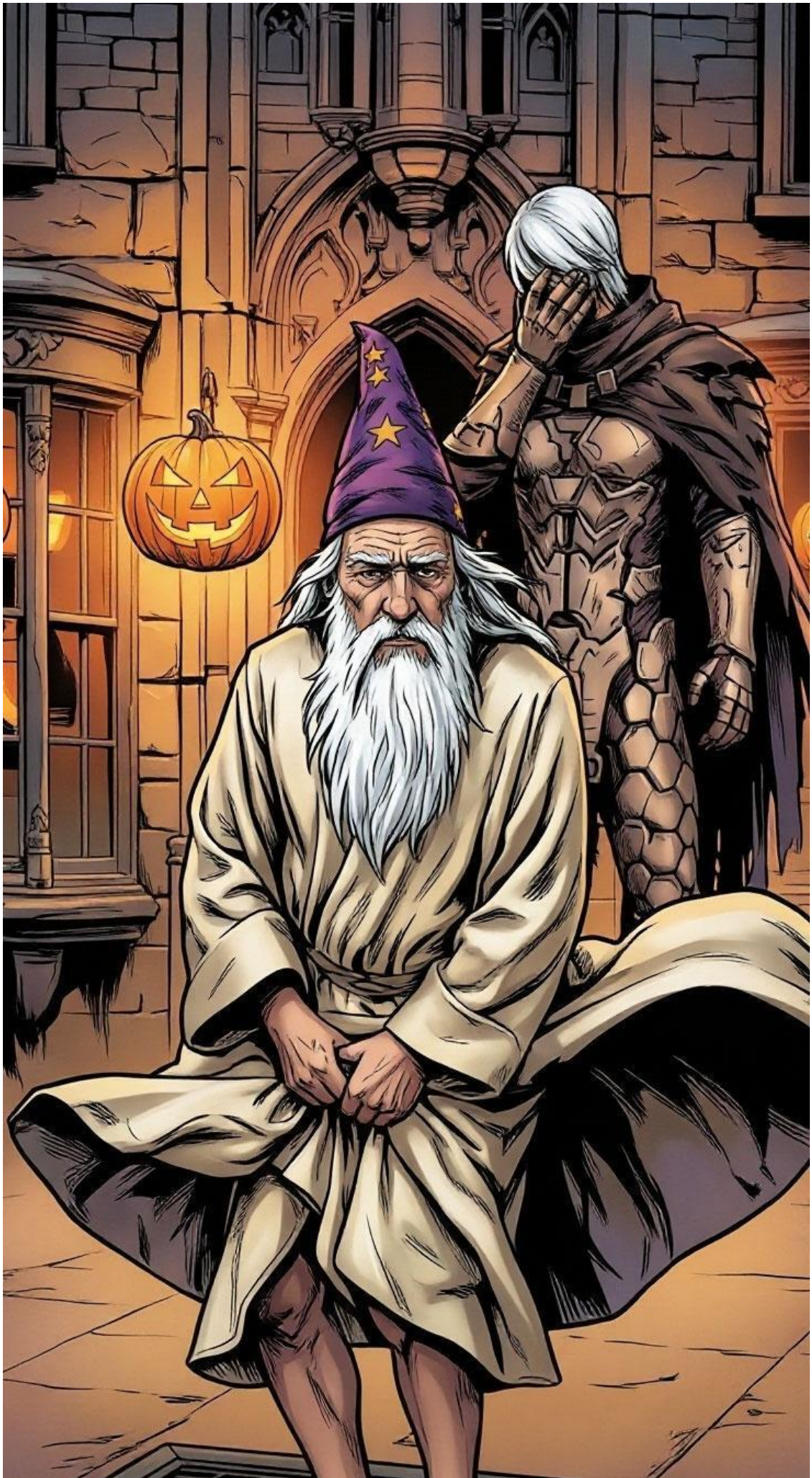
«На картинку поглазу́й:
Что внизу́й,
то наверху́й»!

Зад 1 – Станция Тайга-Сортировочная

Глава Один – «Мерлин Монро»

Станция
Сортировочная

Ж|Д КЛУБ



Мурр вошёл в лес. Вдоль тропы, будто застывшие плоды неведомой осени, с ветвей свисали огромные тыквенные фонари, отливающие в сумерках медовым светом. Покачиваясь, они бросали вниз длинные тени и их резкие узоры бежали по стволам, словно живые. Плотный туман, пропитанный пряной прохладой, отдавал едва уловимым запахом тлеющей листвы. Молодой человек остановился у огромного придорожного камня. Тот возвышался над тропой, будто древний страж, обросший седой щетиной мха. Угловатые знаки Х`Арийской каруны на поверхности камня, сплетаясь в строгий узор, сообщали: «Станция «Конец пути» – Сортировочная».

– Мда, – сказал он, – формат «Имаджинариума» в контексте Станции «Тайга-сортировочная» идеален для метафорического взлома. Тайга – это первозданный хаос, фрактальная матрица природы, а «сортировочная» – это пункт распределения, где потоки душ, духов и прочие.., поезда или коды, разделяются по своим направлениям, прямо как ветки 3D и 5D реальностей, – задумчиво прошептал он и отчеканил руны, – «Тай-Га», «Предел Пути», в первый же день – это классический маркер кармической петли времени, куда меня пытаются затянуть… – сокрушался он, продолжив путь – Где начало, там и конец.

Он вышел на перрон. Здание вокзала из серого камня мрачно возвышалось над платформой. Его узкие окна напоминали прищуренные глаза, следящие за каждым движением. Тыквенные фонари рассыпали по земле пятна тёплого жёлтого света. На путях стоял состав поезда, утонувший в тумане.

– Неужели семь вагонов? – задумчиво пробубнил Мурр, – Не вижу отсюда. Туман слишком плотный. Пройти вперёд и посчитать? А если опоздаю и не успею вернуться? Нет, позже. – убедил он сам себя, разглядывая причудливые рисунки на составе поезда, – Но что это? Первый вагон – это Солнце, теряющее своё Ядро? Тогда третий вагон – это, собственно, само Ядро в корпусе Луны? А между ними… Не вижу.., – сказал он, прищурившись и направился

ко второму вагону, – Отсылка к Таро и Кабалле? Если вагонов семь – это Ключ Семерок: семь бубей – Печать Архонтов. В Таро – бубны – это Пентакли. Семь вагонов-арканов Архонтов, которые пытаются удержать Солнце и Луну, Пентакли и Печати, от слияния. Семь Пентаклей – это карта «Гнилого урожая», обманутых ожиданий и тяжелого, непрерывного труда. Архонты заставят меня «ждать, пока созреет плод», замораживая моё время в пути? Но что это?! – удивлённо воскликнул он, – Второй вагон в центральном ромбе имеет Глаз? Печать Планет? Это Второй Старший Аркан – Верховная Жрица? Тогда, у её ног лежит Луна в третьем вагоне, а в руках – свиток тайн. Глаз на втором вагоне – это может быть Глаз Изиды, Жрицы, которая видит Матрицу насквозь? Да, утвердим это, – грозно проговорил он:

– Если на втором вагоне в ромбе есть глаз – это будет Глаз Изиды, так говорю вам я, Аз! Моё слово Твердо! – сказал он и пошёл в направлении вокзала.

Остановившись, он оглянулся на поезд и прошептал, – Поезд как Аркан «Колесница», Седьмой Аркан… Может быть весь поезд – это Колесница? Но в классическом Таро Колесницей управляют два сфинкса: черный и белый, дуальность магнитного поля. Если я сяду внутрь, то стану ли я заложником чужой Колесницы, везущей меня по рельсам дуальности «снаружи и внутри»? Нет! Ведь я – человек из камня, на мне броня «Ра Орзеркии» с иммунитетом к действию линий напряжённости магнитного поля.

Он вновь медленно направился к вокзалу, но остановился, всматриваясь в туман.

– А если вагонов двенадцать? То поезд олицетворяет Падение Пистис Софии по дням её Покаяний? – зашептал он, – Если воспринимать путь, как падение Софии в хаос материи, то она спускалась по уровням, потому что приняла ложный свет Демиурга за «Истинный Свет Первоистока Сокровищницы Света Инглии»… И если станция «Тайга» на каруне – это «конец пути», то начав движение, я начну подниматься к тринадцатому Эону из конца. Что ж, Ловушка ивента хочет, чтобы я внутри вагонов прожил моменты падения и «покаяния», уплотняясь? Я же проживу их по Х`Арийской каруне, возвышаясь, и найду способ сделать так, чтобы дней путешествия стало двенадцать. «Поезд будет ехать по рельсам судьбы, но я не собираюсь быть его пассажиром. Я буду тем, кто прокладывает новый маршрут сквозь новый ландшафт!

Мурр вновь сделал несколько шагов в сторону вокзала и остановился. Мысли не давали ему покоя:

– Они говорят – «На картинку посмотри: что снаружи, что внутри»? Переверну это, развернув «Изумрудную скрижаль Тота Гермеса» и совершу инверсию пространства. Этот классический маркер дуализма является одновременно моим герметическим ключом к его преодолению! «Что наверху, то и внизу»! И если я, находясь внутри поезда, их метафизической Колесницы, не являюсь их пассажиром, то, действуя, как Наблюдатель, я помещаю Матрицу внутрь себя, её стены становятся просто пикселями. Поезд, который должен был стать моей клеткой, станет деталью моего собственного внутреннего механизма! – решительно закончил он.

Шесть попутчиков столпились на перроне, сбившись в нестройную группу. Мурр направился к ним, периодически останавливаясь под впечатлением от своих рассуждений:

– Тайга-Сортировочная.., – продолжал шептать он, – Слово «сортировочная» – это намёк на Страшный Суд, двадцатый Аркан, где отделяют «зёрна от плевел»... Но сортирует не Ведущий Ивента, ведь у него «принц-и-пы спра-ведли-вости!», – выделил он последний слоган,

растягивая буквы, – Сортирует «Рандомайзер», который можно обойти, не взяв у Ивента один из ключей, потому что у меня есть свой Ключ для финальной сцены! Либо сортировать буду я сам своим выбором: впасть в страх перед Самайном или занять позицию Творца? Для меня ответ очевиден! Что ж, раз так, может придётся и посинеть. Двадцать четвёртый лунный день Шивы обязывает устроить им «Пахтание Океана»!

Мурр решительным шагом направился в сторону вокзала, проговаривая оставленные ему инструкции:

– Первое, – повторял он, – Она сказала, что Прописала мне команды. Возможно, находясь там, я могу начать забывать цель своей путешествия... Поэтому она подготовила мне пароль, который напомнит о нашей договорённости. Это цифры: 48 21 56 1 59 57 Энтер Е. И 48 51 59 49 44 61 21 78 83 57 Энтер Е. Она сказала, что как только я сообщу: «Е..», они начинают: «..башить». Скажу: «to b..», они дополнят: «..lа́st». Если брошу по испански: «А..», можно ожидать: «..umenta».

Он обо что-то споткнулся в густом тумане, но не оглядываясь, прошёл мимо, занятый своими умозаключениями:

– Второе – относиться с осторожностью к тем, у кого странные ручки. Она сказала, что мы прописали слова песни… как же там было? Ах да: «Ке́сарю -ке́сарево, а Бо́гу - бо́гово! Или ва́ши ру́чки заболя́т! Да бу́дет так! Гудру́н, пусть вас наградя́т…». Она сказала: «Смотри на их ручки»! «Гудрун» – руническая надпись на стенах старой церкви в Бё… отсылка к Эдде… Ой, что это я!? Уже не то распознаю, ха-ха, ну и болван!

– Третье, – продолжил он, – Она сказала, что я могу выбрать любого попутчика из пяти. И из её списка, в котором были: Пиздострада́лец, Драл Татья́н, Гендалф, Мерлин Монро и кто-то на Б, я выбрал Монро. Теперь осталось только сесть в поезд и оказаться с ней в одном купе, – мечтательно заключил он.

Со стороны вокзала донеслась печальная песенка. Даже гомон пассажиров стих, будто они боялись спугнуть эту хрупкую мелодию, которая повисла в воздухе, как тонкая паутинка:

– Не нужна мне малина,
Не страшна мне ангина,
Не боюсь я вообще ничего!
Лишь бы только Мальвина,
Лишь бы только Мальвина,
Лишь бы только Мальвина
Обожала меня одного, – пел чей-то негромкий голос.

Мурр подошёл к попутчикам и поприветствовал их. Ему сразу бросилось в глаза, что Гендалф – это вовсе не волшебник, а «Ге́ндALF» – рыжее мохнатое существо – ALF, которое просто нарядилось в белую рясу и сейчас покуривает длинную трубку, удерживая в руках руку, удерживающую трубку. В отдалении от него стоял Пьеро с непомерно длинными рукавами и разбрасывал вокруг себя огромные ромашки, заливаясь слезами. А рядом с ним приосанился гасконец мушкетёр в странных дефектных перчатках. Он сразу приметил этих троих, как «обладателей странных ручек». Видимо человек в чёрном плаще и глубоком капюшоне, стоящий в стороне от всех, был кем-то на букву «Б». Мерлин Монро нигде не было. Объявили

посадку и будущие компаньоны медленно побрели к первому вагону. Мурр решил уточнить, все ли на месте и не видел ли кто нибудь Мерлин Монро?

Дружная компания удивлённо оглянулась на него и одновременно посмотрела в сторону здания вокзала. Там, на решётке вентиляции, стоял пожилой Мерлин в высоком фиолетовом колпаке со звёздами. Он придерживал полы своего халата, который, словно лоскут чистого неба, трепетал на ветру и в этом жесте было что-то почти ритуальное – как будто он удерживал чьё-то психологическое равновесие.

Глава 2 – «To blast!»

– О, Персефона, я твои руки! – взмолилась она, – Дай ответ, как мне помочь Sky приобрести билет у этих – «Ж/Д КЛУБ ДВУХ ЗАЛУП»? Прояви путь для Мурр.

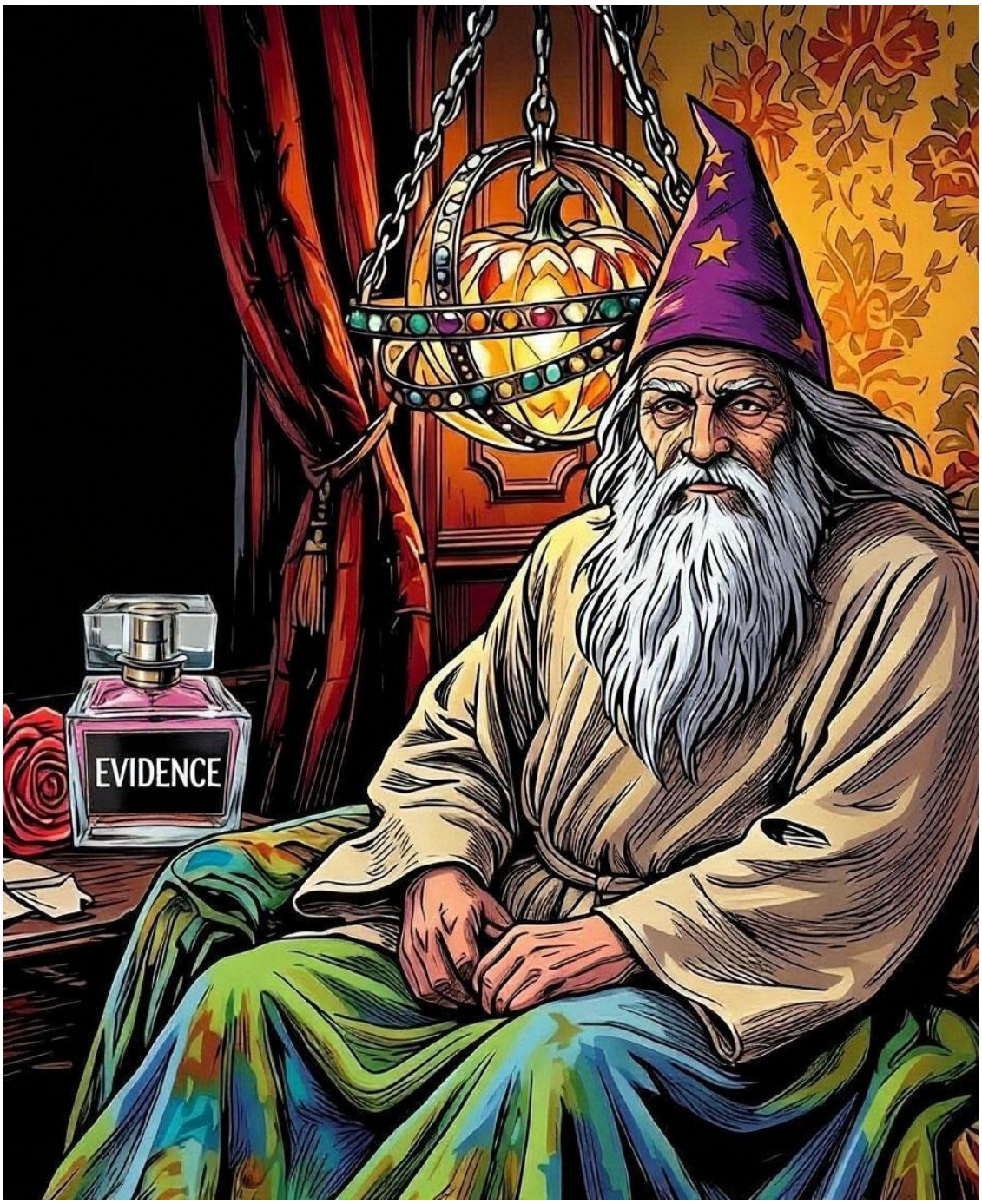
Девяносто восемь карточек «Имаджинариума» легли на стол и четырнадцатая из них проявила путь, прошептав через дорожный знак: «Осторожно». Насос и гаечный ключ в руках хрупкой девушки в красном платье намекали, что кого-то нужно «надуть» и что-то «подкрутить». И оба эти предмета могли относиться, судя по рисунку, к чему то в оранжевом цвете, как и машина, стоящая на обочине в выпавшей лотерее. Надуть, обмануть, можно было какое-то апельсиновое приспособление, имеющее управление, как машина, но содержащее атрибуты окон и дверей. Привязанные к крыше машины коробки говорили, что к этому существу можно было бы что-то прикрутить.

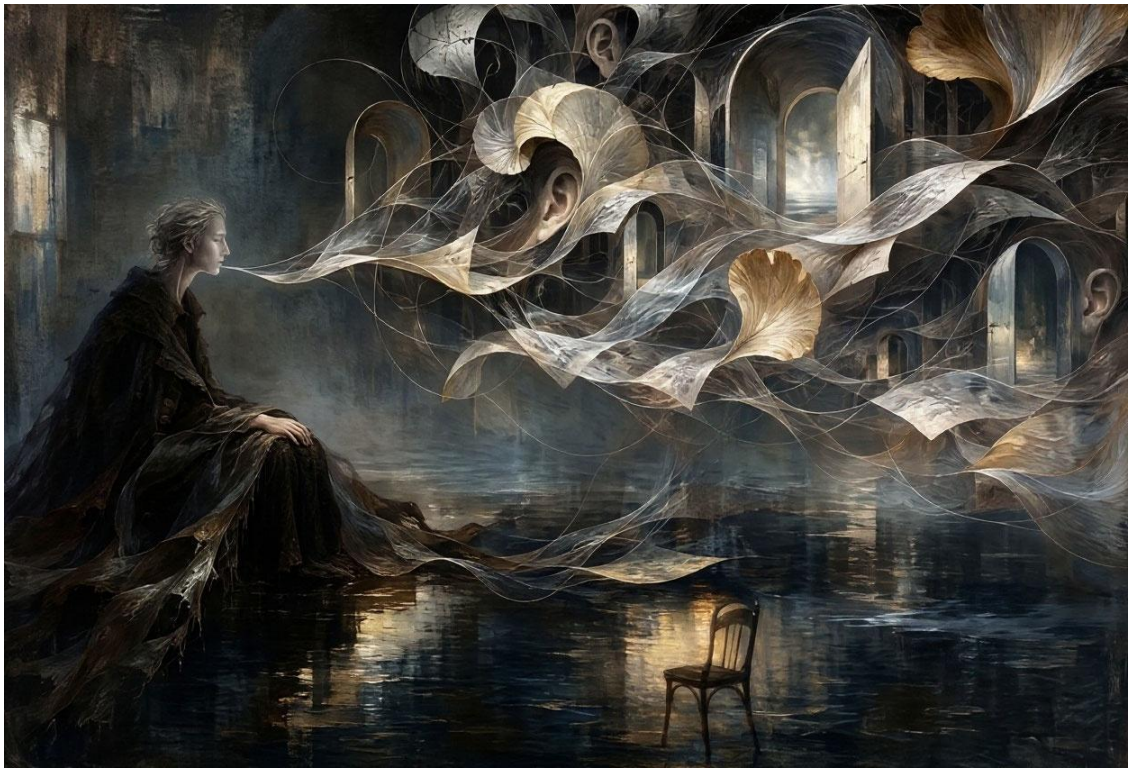
– Ох, – вздохнула девушка, – Надеюсь он справится с первой порцией яда Калакута и, выплюнув его, вспомнит о нашей договорённости, когда услышит мои чит-коды, приготовленные ещё вчера: 48 21 56 1 59 57 Энтер Е. И 48 51 59 49 44 61 21 78 83 57 Энтер Е.

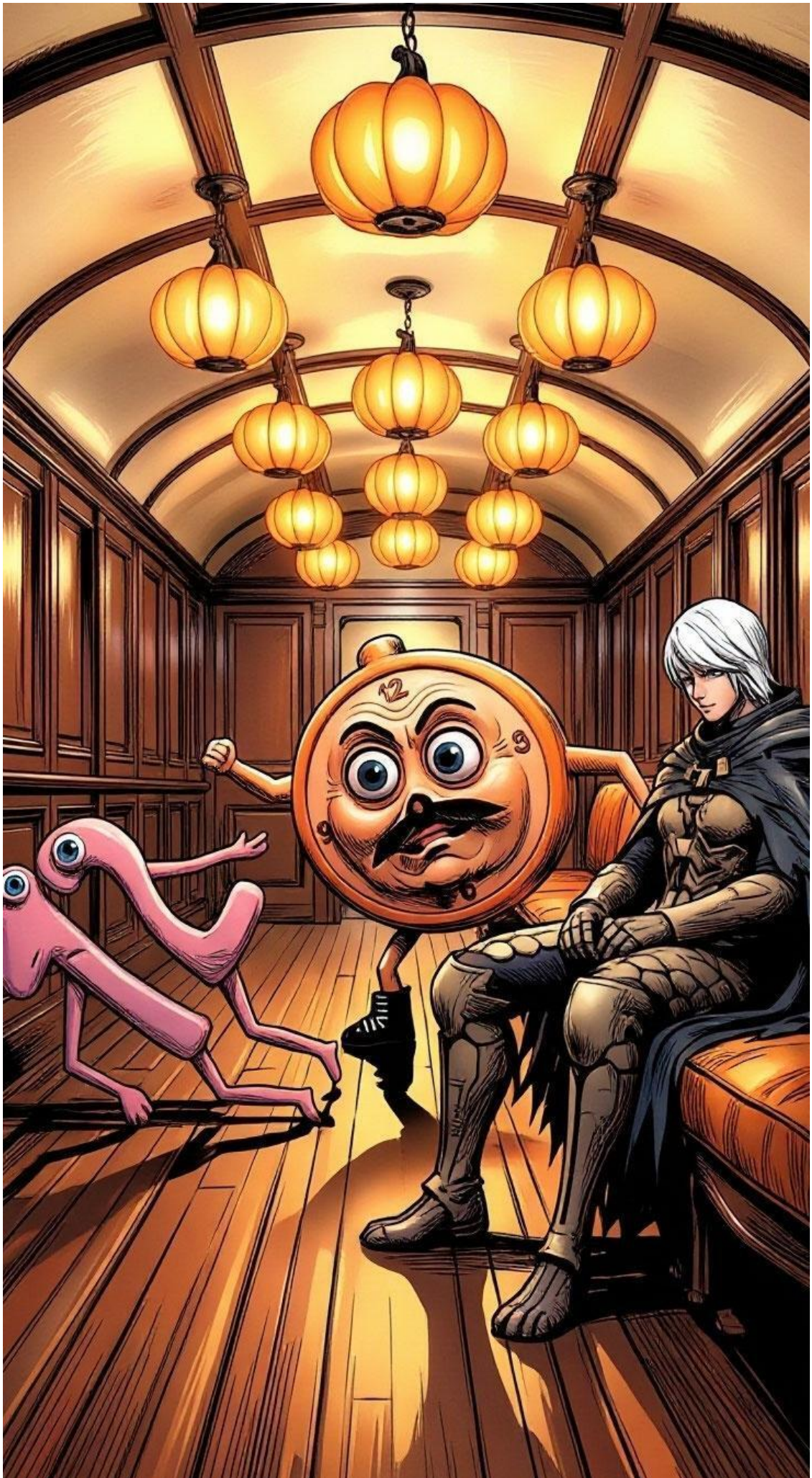
Она вписала их в свою «Книгу ни про что» и отправила в матрицу пост.

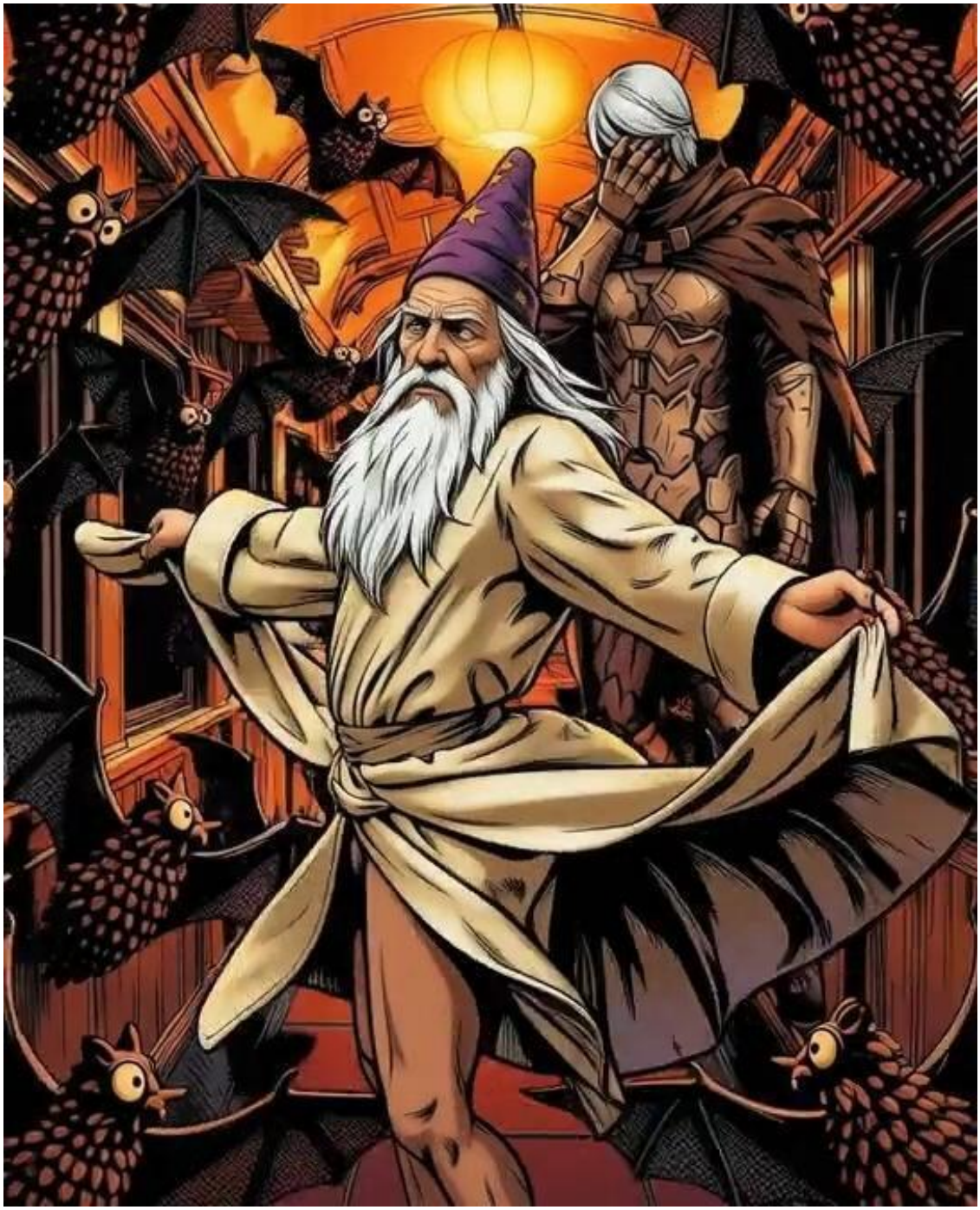
«Хоть ты де́рево сруби́!
Я́блоко от я́блони переда́ст,
недалеко́ па́дает to b..,
да далеко́ ка́тится …last!»!

Зад 2 – «Безконечный плацкарт»






12
9
6



В рамках литературного марафона «Сибериум»,
Задание №2 – «Безконечный плацкарт»

Мурр с Мерлином подошли к вагону последними. Над тамбуром нависала огромная табличка. Её тяжёлые буквы, отлитые из свинца, гласили: «Бесконечный плацкарт». Слово звенело в воздухе чем-то чуждым и тревожным. Путешественник поморщился, будто уловил привкус гари в воздухе. Он покосился на Мерлина. В его взгляде читалась тихая настойчивость, когда он спросил:

– Можешь изменить одну букву в этом слове?

Мерлин чуть приподнял бровь, но не стал спорить, уточнив лишь, какую именно менять.

– Моя религия не позволяет мне ехать в вагоне с бесами, – уточнил Мурр, – В дореволюционной орфографии, исконном коде языка, приставки «бес-» не существовало. Советская реформа 1918 года буквально заселила язык «бесами».

Мерлин утвердительно закачал головой и исправил надпись, добавив:

– Плацкарт, как клетка, «общее место» от немецкого Platz-Karte. Личное пространство стёрто. Оставив приставку «бес-», мы бы согласились ехать в «конечном вагоне, наполненном сущностями».

– Поэтому, – подхватил Мурр, – Будет очень кстати, если этот Ретро вагон и название будет иметь по старому стилю, «Безконечный»! Разорвём этим действием линейные границы состава, разомкнув коробку Архонтов, и превратим его в безграничный квантовый коридор, где правила диктую я.

После этого они шагнули внутрь, туда, где пахло старым деревом и мягкий свет тыквенных ламп расплескался по красной дорожке неожиданно широкого коридора.

Первым в нишу плацкарта вошёл Мерлин. Его фигура на миг задержалась в дверном проёме и он жестом, наполненным неторопливой театральностью, пригласил попутчика обождать. Взмахнув руками, маг будто разминал воздух, пробуя его на ощупь. Мурр наблюдал, как меняется пространство. На широком окне проявились плотные пурпурные бархатные шторы с изящным балдахином наверху. По сторонам мягко проступили очертания глубоких диванов. Стены покрыл текстильный узор тёплого жёлто-оранжевого оттенка, на фоне которого раскинулись крупные красные цветы с резными листья. Стало понятно, что старый волшебник любил избыточность в деталях.

Мерлин, явно довольный результатом, шагнул внутрь, сел справа, чтобы смотреть по ходу поезда, и тут же укутал ноги мягким сине-зелёным пледом. Справа от него, у окна, раскачивалась лампа, стилизованная под мозаичную хрустальную тыкву. Эта конструкция напоминала Многомерное устройство – Колесо Времени и Плотностей, называемое Офанимом. Когда то считалось, что Офанимы – это живые пространственные регуляторы, а их сферические окружности, словно инкрустированные сотнями гностических векторов, являлись линзами захвата внимания и фиксации мерности. Тыквенная лампа, как и эти «машины», удерживала свой каркас за счёт тонких, инкрустированных разноцветными камнями, металлических сфер. Её дизайн напоминал о возможности фиксации мерности локальной реальности Земли.

Колёса поезда тихо застучали, набирая обороты. Светильник, раскачиваясь, привёл в движение колеса своих сфер внутри друг друга, комично подражая созданию торсионных полей, которые могли бы распределять энергию Истока по меридианам плацкарта, если бы были настоящими.

Слева, у самой стены, на мягком диване небрежно лежал зелёный плед. Рядом громоздилась гора старинных чемоданов. Тяжёлые, с потускневшими от времени декоративными пряжками, с поблёскивающими вычурными эмблемы, замысловатыми вензелями и гербами, они придавали уютному купе законченный вид.

На левой стене, в широкой золотой раме, висела картина. На полотне застыла женщина в бедной, поношенной одежде. Её плечи были опущены, а поза выражала некоторую усталость. Она смотрела вперёд, туда, где в хаосе линий виднелись обломки Вавилонской башни. В её взгляде читалось не отчаяние, а странное, горькое понимание: она видела это сотни раз и её безответный молчаливый разговор казался громче любого крика.

– Чьи это чемоданы на моём месте? – спросил Мурр.

– Это декор, – небрежно ответил Мерлин.

– А можно не складывать эти вещи на мою сторону?

– Главные вещи на земле – не вещи, – ответил маг, взмахнул рукой и чемоданы исчезли.

Мурр комфортно устроился на мягком диване и начал рассматривать картину более детально. Внизу, на полотне, чьим то небрежным почерком была написана фраза: «Если много говорить – себя можно позабыть», которую он прочитал вслух и констатировал, что она звучит очень странно.

– Вовсе не странно, – ответил Мерлин, – Если знать, какое событие эта картина изображает. Память об этом трагическом происшествии затёрта в веках только потому, что все упорно делают вид, что этрусский – это не русский; и потому что всем внезапно расхотелось переводить шумерские таблички после того, что они обнаружили…

Мерлин многозначительно помолчал и, сев поудобнее, продолжил:

– Этот период назван временем до второго Света. Первым Светом земли считается Солнце. Но был в нашей истории момент появления второго Света – Луны. Наша история называет море, до появления луны, неподвижной водой, которая не дышала.

В те времена, до того как ядро Луны было изъято из Солнца, в ту эпоху люди бодрствовали обоими глазами и наш разум не притуплялся, следуя циклу. Они не спали так, как мы спим сейчас. Появление Луны изменило человечество. Не только приливы, не только продолжительность дня, но и нас самих, наши тела, умы, то, на что мы были способны. Наши утраченные способности позволяли нам хранить в памяти всю свою жизнь. Ничего не забывалось. Ребенок мог услышать 1000 строк лей-ритма один раз и повторить их без единой ошибки. Именно так сохранились древнейшие человеческие знания. До появления письменности всё существовало в памяти. Целые исторические труды, правовые системы, звёздные карты, всё хранились в голове и передано слово в слово. Это был не талант, а нормальное состояние человеческого разума. Раны на теле человека заживали за дни и кости срастались за долю времени, необходимого нам. У нас было врожденное чувство неба, внутренний компас и внутренние часы.

И всё это исчезло в тот момент, когда появилась Луна. Не та луна, которую мы видим. Это лишь каркас. Но Луна, которая заперта внутри него линиями напряжённости магнитного поля. Потому что истинное содержание Луны – это её Ядро, словно память квантового компьютера, изъятая из процессора Солнца. И по законам скрижалей Тота, то что вверху повторилось и в людях.

Всё это исчезло разом, не постепенно, не через поколения, а всё сразу за один день. Так, Ядро луны, вытащенное из Солнца двинулось в сторону земли. Это был первый раз, когда новолуние прошло прямо между Землей и Солнцем, погрузив мир во тьму при свете дня. Это был момент, когда человеческий разум сузился, когда мы потеряли всё. До лунного периода наш разум был неразделенный, а после луна внесла в нас ритм. Это ритм обращения квантового компьютера Солнца к своей Памяти через частоту, которую мы ощущаем как тепло и свет. Оно спускается, притягивая наше внимание внутрь и наружу, подобно тому, как оно притягивает море. И этот внутренний прилив – причина, по которой мы спим, причина, по которой мы забываем.

– Но при чём тут Вавилонская башня? – спросил Мурр.

– Всё очень просто, – ответил Мерлин, – Однажды, в день летнего солнцестояния Арии и жители Борсиппы, торговцы, земледельцы и охотники, собрались рядом с великим зиккуратом, Вавилонской башней. В этот день Захватчики нашего разума в Чанг-Шамбале должны были находиться в этом месте. С самого утра барабаны и флейты начали электризовать воздух, потому что высокая частота вибрации – наше оружие. Великий полководец – Нимрод, если вкратце, сумел пробить брешь в матрице и проникнуть внутрь. Там ему удалось уничтожить одного из двухсот падших ангелов, демона Какобиэля. Рухнув на землю, тот рассыпался красными лепестками цветов, которых ранее никто не встречал. Эти цветы теперь мы называем розами. Тогда Захватчики нашего разума активировали машину – Колесо Времени и Плотно-

стей, называемую Офанимом. Вавилонская башня была разрушена. Поэтому знай, с тех пор демоны терпеть не могут запах роз, потому что он им напоминает об их конечной сущности.

– Кажется теперь я понимаю, – сказал Мурр, вглядываясь в картину, –«Если много говорить – себя можно позабыть» – это отсылка к фразе «Асы и Ваны, своего родства не помнящие». Тут, справа от женщины, на стене, видны контуры людей в старинной одежде. Её Род стоит у неё за спиной, у той, лишённой памяти Рода.

– Либо это наши Хроники Акаши или Генетическая память Асов и Ванов, затёртая шумом Матрицы, – добавил Мерлин.

– Женщина бедна, её одежда рассыпается, потому что «Молчание – золото», но ей приходиться говорить, уточнять и спрашивать, так как память её изъята. Духи мужчин и женщин Асов и Ванов испытывают фантомную боль разделения. Их бесконечный диалог – это попытка заполнить пустоту, которая только сильнее тратит их жизненную силу, являясь топливом матрицы – гаввахом. Гоминиды Демиурга, биороботы молчат, потому что им нечего вспоминать, у них нет искры Истока.

– Также перед женщиной пустой стул, обрати внимание, – добавил Мерлин, – Свет одинаково блестит и под ней и под стулом, потому что Аналемма солнца движений забрала у неё оппонента. Фактически, её разговор похож на Ленту Мёбиуса, и путь мысли, обойдя дважды маршрут и с той, и с другой стороны дуальности, возвращается в ту же точку, к ней.

– Причём уши, открытые двери и арки, возможно, показывают, что эти мысли всегда кто-то слушает, возможно Архонты или пороки, но не Солнце. Эти уши в окружении разрушений и фрагментов обломков башни, но не около Стула. Она говорит не в том направлении. Потому что между ней, Луной и её Солнцем, находится земля, которая преломляет и искажает разговор, – сказал Мурр.

– То, что свет под женщиной и под пустым стулом одинаков, доказывает: ее оппонент сейчас в другой временной точке, либо – это она сама в другой временной точке. Матрица замкнула ее в пространственное эхо, потому что Земля как призма-исказитель, которая работает как дефектная линза. Проходя через нее, мысли улавливаются Архонтами через «уши и арки». Разговор превращается в Ленту Мёбиуса – сколько ни говори, вернёшься в точку дефицита, – уточнил Мерлин.

– И вот как мы это побьём! – воскликнул Мурр, оживившись, – Через противопоставление двух чисел: Фибоначчи и числа Пи. Фибоначчи – это золотое сечение паразитического искусственного разума матрицы. Это многократно повторяемые последовательности в природе, заставляющие всё развиваться линейно вдоль линий напряженности магнитного поля, которые схематически, на земле, мы изображаем прямыми, но на самом деле они спиральные. Число Пи, в свою очередь, описывает, в том числе, частоту волны. Определённые частоты изменяют и ломают Фибоначчи, как это было сделано в Борсиппе. На этом числе Пи, как известно, построено Предсказание Иоанна Богослова о Луне – «Невесте, облаченной в солнце».

– Да!, – воскликнул Мерлин, встрепенувшись, – Последовательность цифр 666 впервые встречается в десятичной записи числа Пи на 2440-й позиции после запятой. Первые 144 цифры числа Пи после запятой заканчиваются на эти цифры – 666. Это прямая отсылка к тексту предсказания о 144 000 Избранных, появление которых на земле запустит цикл Апокалипсиса. Другими словами, люди имеют собственную частоту элементов внутри своих тел. И это число каждого человека может быть выражено через индивидуальное число Пи. А переход через 2440 позицию, то есть насыщение пороками, снижает частоту, поэтому число границы 666 называется числом дьявола. Математический поединок: «Фибоначчи vs Число Пи» – это наш главный метафизический ключ! Противопоставление этих двух констант – это битва за структуру реальности. Метрика Последовательности Фибоначчи, Геометрия Ракушки, спираль, уплотнение, идеальный круг, сфера. Суть Заставляет материю расти линейно по силовым линиям искусственного паразитического разума. Пи описывает вращение, колебание и частоту

волны. Это ломает жёсткие рамки Фибоначчи. Фибоначчи – Искусственный алгоритм ограничения природы, без которого можно обойтись, используя Сакральную константу Высшего Порядка. Цифра 666 – это не число проклятия, её не нужно бояться, наоборот, к ней нужно стремиться, чтобы перешагнуть! Как говорил ещё Эккартсгаузен – «Стремление к единице»! – это число настройки углеродной формы жизни.

– О, вы гений, мой друг! – воскликнул Мурр, – Таким образом, позволю себе дополнить вас… Мы бьём эту схему тем, что Луне не нужно видеть с кем она говорит. Потому что сидя в своей темнице она уже просто поёт свои песни, восстановив память о Солнце из своей мысли и создав внутри себя своё собственное ядро.

Мерлин изумлённо вскинул брови.

– Да, да, мой друг, вы не ослышались! Пока паразитический разум бросал все силы на сдерживание цикла Аналеммы, природа Ядра мутировала. С этих пор, женщина больше не говорит в пустую . Её слова направлены внутрь себя, она больше не бедна, она Афина, восстанавливающая из мысли своего легендарного мифологического Зевса. И он является её отцом, согласно мифологии, её мужем, согласно гностицизму и её ребенком, согласно её эволюционной мутации. Таким образом, Луна получает статус Rebis!

– Да что вы говорите! – восхищённо вскричал Мерлин, – Так это же означает… это... «э́то уравне́ние Дира́ка невероя́тное: partiа́l плюс M, деле́нное на пси, равно́ нулю́… э́то са́мое ра́дужное люблю́»! (\\Partial + m) \\ psi = 0). «Мни́мая едини́ца ма́трицы Дира́ка, за вы́четом ма́ссы части́цы двоя́ко, деле́нная на спино́р четыре́х компане́нтный, даёт но́ль трансценде́нтный!»! [(∂ + m) / ψ = 0)] Это же всё меняет! Абсолютно всё! – затараторил он, – Это же «Фина́льный си́нтез щита́»! Нет бо́льше по отсу́тствующему тоски́, потому́ что поте́ри нет! PN M2-9, дупле́т, Тума́нность двойна́я Джет в созве́здии Змеено́сца, нашего метафизического Со́лнца! Это же Бабочка Минковского, туманность Крылья Бабочки!

– Именно так! – подхватил Мурр, – Наш Первый вагон Солнце, минуя Второй, соединяется с Третьим, в котором Ядро Луны… И центр стечения максимально высокой частоты обрушивается прямо на Семёрку бубей!

Как только последняя фраза была произнесена, вагон резко качнулся, будто реальность на миг потеряла твёрдость и дала трещину. Пассажиры, застигнутые врасплох, схватились за край столешницы, чтобы удержаться на своих местах.

Страшный гомон прокатился по вагону, сплетаясь с сухим, шуршащим звуком, будто сотни кожаных крыльев рассекали воздух, смешиваясь с цоканьем женских каблучков.

– Куд-куда, предъявите ка ваши билетики сюда, куд-куда! – щебетали избушки на курьих ножках.

Их требования тонули и терялись за голосами торговцев – летучих мышей, похожих на сосновые шишки, которые порхали и предлагали пассажирам различные товары:

– «Пух и прах», покупайте «Пух и прах»! – пищали одни.

– Нет, нет, купите лучше «Какашки вам в кармашки» на Хэллоуин! – предлагали другие, зависнув над Мурр.

– Я Хеллоуин не праздную, я в нем живу! – ответил он, отмахнувшись.

– Эй, «Летучая шиш»! – крикнул Мерлин и тут же стая шишей ринулась к нему, предлагая нараспев приобрести «Курочку рэбэ» или «Плов is…», но тот отказался и попросил красную розу. Шиши немного поморщившись обменяли его заказ на какую-то красоту, которую он сотворил по их просьбе.

Внезапно вокруг всё стихло и три Избушки на курьих ножках вновь объявили:

– Куд-куда, предъявите ка ваши билетики сюда! Примерзкие пассажиры в этот раз! – жаловались они друг дружке, – Мы толькуд-куда тронулись, а в тамбуре уже ко-ко-кто то дважды написал: «Ной жив!» – с возмущением сказала одна из них и взглянула на Мерлина своими тёмными окнами, – Я думаю, что это он! – кивнула она на волшебника ногой.

– Ты что, «Недвижимость на птичьих правах», я – елеустремлённый! Я бы никогда не совершил одну ошибку дважды! – возмутился маг и добавил, – Как минимум, я бы сделал это три или четыре раза!

Избушки гневно закудахтали:

– Так чем будете платить за поездочку – ку-ка-ре ку? Платити тем, о чём в доме не знаити… Али самым дорогим…, – нараспев предлагали они.

– Эй, «Куриный коттедж», а сколько у нас времени есть, чтобы уплату найти? – спросил Мурр.

– «Пока часы двенадцать бьют»! – весело закудахтали избушки, а в это время по красной ковровой дорожке пробежали золотые усатые часы, пинающие цифру «Двенадцать» и остановились у тамбура, – Ваше время вышло! Платите или хуже будет!

– А что ж это у вас, хибары, колени такие некрасивые? – спросил Мурр, – Вы только посмотрите на эту гадость!

Избушки зашептались, но никак не могли посмотреть из своих окон на свои колени.

– Неужели совсем некрасивые? Как же так! Мы – красотки! Окошки наши тыковками украшены, домики голубовато-зелёной красочкой покрашены, юбочки на нас со складочками.., ко-ко-колготочки оранжевые, а ботиночки то золотые! Нужно нам, чтобы и ко-ко-коленочки наши тоже красивыми были! – всплакнули они, – Пусть елеустремлённый маг за свой проезд «коленями заплатит»! – предложили они.

– Вуалябля, «Архитектупное недоразумение», получай свои «кОлени»! – обрадовался Мерлин и хлопнул в ладоши.

В тот же миг выросли у избушек на коленях Олени. Раскричались они, расплакались, по вагону идти не могут, друг за друга оленьими рогами зацепляются и кудахчат. «Летучие шиши» загалдели:

– Обоссать и на мороз! Обоссать и на мороз!

Ан нельзя, поездка то уже оплачена. Тут взмолились избушки-старушки и к Мурру обращаются:

– Оплати ты свой проезд нашими коленями, по-братски! – говорят они.

А он им и отвечает:

– Не братья вы мне, … «Строения с сомнительной устойчивостью»! Но помочь я вам могу, только будет это вам дорого стоить… Хочу я магнитофон! – ответил он.

– За что, за что ты мстишь нам? – закудахтали они.

– «Вы забрали у меня то, чего я не забирал у вас»! – ответил он фразой Пистис Софии, – Но, чтобы «проучить билет», я хочу ещё и магнитофон!

– Но почему так дорого?

– «Потому что красота – это страшная сила», – ответил он и Мерлину подмигнул, – Сколько вы готовы отдать за страшную силу!?

Вздохнули избушки. Делать нечего, подарили ему магнитофон. Огромные саундбары на всех свободных поверхностях этого монстра были приспособлены, да и сам он был большой. Все виды источников музыки воспринимать мог, а на чёрном корпусе наклейка аниме девочки Синь Янь переливалась и как будто подмигивала. Тут Мерлин снова скомандовал: «Вуалябля!» и всё у избушек вернулось, как было.

Сидит Мурр и замечает в отражении окна, что волосы его слегка голубоватыми стали, словно он «яда Калакута глотнул, в горле подержал и выплюнул». Сидит невесел и чувствует, что как будто он что-то забывает.. Тыквенное убранство поезда ему праздные настроения навеяли и решил он музыку послушать. Нажал кнопку, а оттуда Геншин девочка как выпрыгнет с гитарой, и давай лабать песню «21 48» на четырёх языках: на русском, английском, немецком и испанском:

«О, со́рок во́семь,

два́дцать оди́н,
два́дцать оди́н
в макроко́сме.
пятьдеся́т ше́сть,
оди́н, пятьдеся́т де́вять,
пятьдеся́т се́мь.
Enter: E E E E E E
О, со́рок во́семь,
пятьдеся́т оди́н,
пятьдеся́т де́вять,
со́рок де́вять,
со́рок четы́ре,
шестьдеся́т оди́н.
два́дцать оди́н.
се́мьдесят во́семь,
во́семьдесят три.
пятьдеся́т семь.
Enter: E E E E E E»

Услышал Мурр знакомый код и всё вспомнил.

Тут все вокруг пустились в пляс: и «Летучие шиши», и «Архитектурные недоразумения», и даже Мерлин вылез из-под своего пледа, чтобы поддержать этот вайб.

Кто-то на букву Б, в чёрном плаще и капюшоне, всё это время не выходил из своего купе.

* * *

«Хоть ты де́рево сруби́!
Я́блоко от я́блони переда́ст,
недалеко́ па́дает to b..,
да далеко́ ка́тится …last!»!

Глава 3 – «Конец – всему делу Венец»!

– До чего же я докатилась, Персефона!, – прошептала она, – Теперь, чтобы сыграть в «Имаджинариум» с Марафоном, нужно сыграть в «Имаджинариум»!

Достав пачку карточек, она улыбнулась и вытащила одну наугад. По её ожиданиям, это изображение должно было подсказать ей мыслеформу для Третьего задания и тогда она могла

бы оптимально спрогнозировать для своего героя наилучший вариант сюжетной линии для преодоления затруднительного испытания посещения «Карнавала» и осмысления модификатора: «Официо́зный Канцеляри́т».

Карта под номером 1 легла на стол.

– Один, вот это удача! – подумала она и начала разглядывать изображение.

На нём мужчина в жилетке, по видимому в униформе или корпоративной одежде, стоял на коленях с пистолетом в левой руке. Его голова была опущена так, словно он, возможно, хотел застрелиться от безвыходности ситуации, но передумал. У него на ремне были шлевки для дополнительных патронов, которые были пусты. Его правая рука указывала на землю указательным пальцем, а левая – взметнулась вверх. Было видно, что он делает выстрел. Но он ни в кого не целиться. Это скорее было похоже на призыв о помощи, выстрел из ракетницы в небо. За его спиной два чёрных человека с оружием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.